Антитеррористическая функция государства и правозащитная деятельность: осмысление проблем и поиски новых решений

Д. С. Миц

*Парламентская Ассамблея ОДКБ
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

От социально установленного нравственного поведения зависит плодотворность профилактики, которая по своему объему значительно превышает стадии выявления и пресечения террористических проявлений, но возникает вопрос в отношении правового обеспечения данной сферы, так как подобное обеспечение зачастую не вполне соответствует правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который неоднократно отмечал, что в целях единообразной интерпретации правоприменителем правовая норма должна отвечать требованию определенности, ясности и недвусмысленности (постановления от 25 апреля 1995 г. № 3-П, от 15 июля 1999 г. № 11-П, от 25 февраля 2004 г. № 4-П, от 20 апреля 2009 г. № 7-П, от 6 декабря 2011 г. № 27-П, от 29 июня 2012 г. № 16-П, от 22 апреля 2013 г. № 8-П, от 18 ноября 2014 г. № 30-П). Принцип правовой определенности предполагает системность и комплексность правового регулирования общественных отношений, ясность, точность, непротиворечивость и логическую согласованность норм законов, обеспечивающих возможность их единообразного применения на практике. Данные подходы нашли подтверждения и в решении Суда Евразийского экономического союза от 21 февраля 2017 г. № СЕ-1/1-16-БК. Искусственное затягивание с решением и согласованием единых позиций в отношении прав и свобод человека требует формирования согласованного подхода со стороны адекватного антитеррористического блока в целях профилактического устойчивого развития. Восприятие данного развития субъектами государственного управления и контроля в сфере противодействия терроризму как важного элемента в системе рассматриваемой функции позволит улучшить реализацию комплексного антитеррористического подхода. В статье рассмотрены указанные тенденции, перспективы и сформулированы выводы.

Ключевые слова

антитеррористическая функция, реагирование, право

Для цитирования

Миц Д. С. Антитеррористическая функция государства и правозащитная деятельность: осмысление проблем и поиски новых решений // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16, № 2. С. 26–32. DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-2-26-32

The State's Anti-Terrorist Function and Human Rights Activities: Understanding Problems and Searching for New Solutions

D. S. Mits

*The Parliamentary Assembly of the CSTO
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

From the socially established moral behavior depends on the fruitfulness of prevention, which, by its volume is much higher than phase detect and prevent terrorist acts, but the question arises in respect of legal support in this sphere, since such software often do not completely correspond to the legal positions of the constitutional Court of the Russian Federation, which has repeatedly noted that in the standard interpretation of any authority, the legal norm must

meet the requirement of certainty, clarity and unambiguity (resolutions of 25 April 1995 no. 3-P, of 15 July 1999 no. 11-P, of 25 February 2004 no. 4-P, of 20 April 2009 no. 7-P, of 6 December 2011 no. 27-P, of 29 June 2012 no. 16-P, of 22 April 2013 no. 8-P, of 18 November 2014 no. 30-P). The principle of legal certainty implies a systematic and comprehensive legal regulation of public relations, clarity, accuracy, consistency and logical consistency of the rules of laws that ensure their uniform application in practice. These approaches were confirmed in the decision of the court of the Eurasian economic Union dated February 21 2017 NO-1-1/1-16-BK. Artificially delaying the resolution and coordination of common positions on human rights and freedoms requires the formation of a coordinated approach on the part of an adequate anti-terrorist unit in order to prevent sustainable development. The perception of this development by the subjects of state management and control in the field of counter-terrorism as an important element in the system of this function will improve the implementation of a comprehensive anti-terrorist approach. The article considers these trends, prospects and draws conclusions.

Keywords

anti-terrorist function, the response, the right

For citation

Mits D. S. The State's Anti-Terrorist Function and Human Rights Activities: Understanding Problems and Searching for New Solutions. *Juridical Science and Practice*, 2020, vol. 16, no. 2, p. 26–32. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-2-26-32

Эпоха глобализации воспроизводит различные механизмы ментального форматирования населения планеты. Специалисты в области права и политологии обнаруживают существующее благоприятствование для активного политического «подавления» государства противника с использованием проблематики защиты прав и свобод человека. Концепция прав человека вызывает осознание социума, призыв к действию. Ее можно сравнить с «ярким рекламным ярлыком», имеющим свойственную только ему тематику, но на практике не представляющим для общества универсального инструментария. Нравственность и право – субстанции, имеющие потенциал в движение и по форме. От их детализации виден успех в преодолении правового нигилизма как фактора воспроизводства терроризма (экстремизма). При этом признаки терроризма и экстремизма схожи по своему содержанию и сущности.

Юридическая практика антитеррористической деятельности формирует эффективную антитеррористическую функцию государства. Научная необеспеченность законотворческого антитеррористического процесса – это устойчивая проблематика, требующая соответствующей детализации и обоснования, в том числе на основе юридической практики. Данная практика не является отвлеченным термином, под которым, как правило, понимается правоприменительная практика.

Производным от слова «функция» является слово «функционировать», что означает действовать, работать, осуществлять деятельность. В этой связи «функция» проявляется как обязательный элемент общей системы государственного управления и контроля. В функциях контроля выделяется активная организующая роль контроля как управленческой функции [1. С. 70].

Госконтроль и его функции при определенных условиях обеспечивают эффективное функционирование социальной и экономической системы государства. Необходимость применения функций госконтроля заключается в востребованности повышения эффективности не только деятельности системы государственного контроля, но и государственного управления в целом [1. С. 73].

Антитеррористическая функция государства – это больше, чем профилактика, борьба и минимизация, а в целом комплексное оперативное государственное реагирование, в том числе негласное, а также с использованием возможностей институтов гражданского общества.

Основными чертами терроризма и иных форм экстремизма являются:

- 1) идеология и практика насилия и его угроза;
- 2) одномерность, «однобокость» в восприятии общественных проблем, в комплексе путей и их решения;
- 3) одержимость в стремлении навязывать свои принципы, взгляды оппонентам;

4) «бездумное», беспрекословное выполнение всех приказов и «инструкций»;

5) опора на чувства, организационные структуры, предрассудки, а не на разум, игнорирование компромиссов [2. С. 169].

Государственное реагирование большинства стран мира направлено на профилактику, борьбу и минимизацию лишь в антитеррористической сфере. Допустимость выбора государствами уровней противодействия терроризму выражена его угрожающей формой – экстремизмом с учетом уровня террористической активности. Оздоровление потенциально деструктивной среды, в том числе пособнической, зависит от активности проявлений конституционно-правового нигилизма и/или идеализма в обществе.

Концепция прав человека нуждается в серьезной корректировке в соответствии с новой культурно-исторической ситуацией [3. С. 117]. Постоянство в расстановке направлений и ориентиров отодвинул на второй план общественный интерес (исключением является профессиональный, т. е. круга заинтересованных лиц) от продвижения данной концепции от формулы «ответственности человека, общества и государства».

Среди множества моделей построения государства – «победителя» терроризма, осознанно возникает конструкция, связанная с эффективностью антитеррористической функции государства только в условиях авторитарных, тоталитарных государственных режимов и, наоборот, крайне либеральных.

Устойчивыми темпами проявляются тенденции к формированию линии поведения к так называемым государствам-отшельникам со стороны западных держав, продвигающих не до конца последовательную политику спекуляции с жизненно необходимым в мире механизмом защиты гражданских прав и свобод. Объективности в этом вопросе не получится найти без свертывания распространения гибридного проекта «теории управляемого хаоса» и другой деструктивной деятельности. Подобные элементы, а также имеющиеся спекуляции в рассматриваемой сфере обозначены многими представителями ООН и других международных объединений.

В области международно-правовой защиты прав и свобод человека сохраняется ряд проблем:

1) недостатки международного контроля поощрения и защиты прав и свобод человека на региональном и глобальном уровнях;

2) недостаточный учет точек зрения всех заинтересованных сторон на стадии разработки соответствующих механизмов защиты [4. С. 117].

Конституционно-правовая охрана укладывается в систему представлений и идей о развитии демократического государственного строе, основанном на конституции и конституционализме:

1) конституционных идеях;

2) конституционном законодательстве;

3) конституционной практике;

4) реализации и охране конституции [5. С. 36].

Подобная современная «охрана» – это флагман антитеррористической функции государства. Процессы, связанные с государственным реагированием, с учетом незыблемости и верховенства конституционных принципов разрушают многие околоэкстремистские (террористические) намерения, а также мотивацию к оказанию пособнической поддержки.

Юридическая практика как компонент правовой системы использует нормотворческие, правореализующие и правоприменительные качества посредством инструментария и принципов правотворческой и правореализационной деятельности [6. С. 240].

Игнорирование данных закономерностей минимизирует профилактический потенциал антитеррористической функции государства. При этом политико-правовой режим – законность как единственный в правовом поле катализатор устойчивого развития и состояния защищенности личности, общества и государства от предпосылок терроризма – целесообразен для неукоснительного учета, в том числе посредством юридической практики.

Нарушение на ментальном уровне социальных норм поведения является важным сигналом в системе антитеррористической профилактики. При этом остается по-прежнему не решенной медицинская проблема выявления признаков психического расстройства среди приверженцев радикальных взглядов. Комплексность подобных проблематик и совокупность систем антитеррористического оздоровления личности, общества и государства сформировали не только междисциплинарный подход в этой сфере, но и научно-правовую идею в рамках антитеррористического права с учетом оптимизации этики антитеррористической функции государства.

Важным представляется сопоставление нравственных и правовых начал, так как без проявления соотношения нравственности и права невозможно выяснить содержание и тенденции развития права [7. С. 130]. Этап «вечной революции» может возникнуть в связи с отсутствием революционного итога их «конституции», т. е. основной (базовой) нормы, которую «революционеры» (радикалы – экстремисты – террористы) могут наблюдать. Однако все сложнее, базовая норма может стать только началом этапа нового и еще непознанного [8. С. 33].

При реализации нарушений правовых норм у данных лиц возникают ментальные самооправдания. Усиление их воспроизводства обосновывает допустимость в гражданском обществе двух радикально-поведенческих групп:

- 1) правового нигилизма (возведение в крайнюю степень нецелесообразность норм права [и/или социального поведения], а также последующая ее реализация);
- 2) правового идеализма (возведение в крайнюю степень целесообразность норм права [и/или социального поведения], а также последующая ее реализация).

В целях улучшения понимания проблематики условно носителей террористического (экстремистского) сознания можно дифференцировать по указанным группам. При этом юриспруденция и политология отмечают сходные подходы к данной дифференциации.

Практическая реализация выявления и пресечения данных факторных особенностей зависит от обновления антитеррористической функции государства.

Существенное методологическое значение для политической системы общества имеют новые требования к антитеррористической функции государства в объективных условиях глобализации, что выделяет ее как академическое обеспечение, которому свойственно последовательное научное разрешение поставленных задач [9. С. 85].

Воцарившийся антикриминальный подход используется как базовый в системе правового обновления (в частности, антикоррупционный), но требуется учитывать меры отражения не только внутренних угроз национальной безопасности, но и внешних угроз, а в современных условиях и их совокупность, каковым является в реальности терроризм. Явным примером является срочное полномочное включение росгвардии в связи с динамикой распространения в мире технологий «цветных революций» и медленной оптимизации малоспособного в силу данной социально-политической опасности Федерального закона «О полиции». Данное контрреволюционное промедление еще может негативно себя проявить в будущем.

Научное сообщество юристов оспаривает являющееся очевидными на практике. В итоге множество элементов антитеррористической функции государства существует во многом благодаря практикам. «Битва определений» – это то, что мы видим в научной среде, при этом понятийный аппарат в законодательных основах имеет заслуженную репутацию, несмотря на возможные ошибки и неточности.

Одна из проблем оптимизации антитеррористической деятельности кроется в научной необеспеченности законотворческого процесса и отсутствии внедрения научных разработок в практику в сфере противодействия терроризму и иным формам экстремизма [10. С. 33].

Конституционно-правовая охрана, существующая на стандартах международного права и передовой судебной практики, способна при высоком уровне профессионализма своих субъектов быть полноценным «предохранителем» от вторжения государства в деятельность адекватных и автономных структур гражданского общества, в том числе своих граждан. При этом развивать антитеррористическую функцию государства по лекалам антикриминальной

деятельности невозможно из-за исторически разных объектов государственного воздействия (криминал и политика). Объект антитеррористической функции государства – деструктивная политика, в этой связи для противодействия ее активному распространению целесообразен поиск баланса.

Концепция ответственности человека и/или общества зависит от механизма административного или предварительного расследования, который объективно далек от особенностей воспроизводства негативных последствий на глобальном и национальном (региональном) уровнях. Юридическая практика по этому вопросу учитывает законность как повод для формирования объективного правового мониторинга в будущем, что приведет к равновесию антитеррористической функции государства. При этом политическая система государства способствует обновлению подобного равновесия в условиях глобализации. От науки требуется формирование предложений в разных областях антитеррористической функции государства. Плюсы от подобных действий уже есть благодаря активной деятельности ученых аппарата Национального антитеррористического комитета.

С учетом изложенного можно сформулировать следующие выводы и предложения.

1. От юридической практики может зависеть сравнительно-правовая деятельность с механизмами дальнейшего устойчивого развития антитеррористической функции государства. Доброкачественная юридическая практика по данному устойчивому развитию подтверждается ее ценностями и механизмами.

2. В современных условиях государственное управление антитеррористическими силами, в том числе соответствующий контроль, окажет положительное воздействие на оптимизацию антитеррористической функции государства.

3. Концепция индивидуальных прав, обязанностей и интересов – это условие современной реальности для антитеррористической функции государства.

4. Темп распространения транснационального экстремизма и терроризма концептуально запутывает различные политические дискуссии. Сфокусированная на подобных проблемах обновленная концепция прав и свобод человека позволит практикам на ранних стадиях предупреждать и пресекать проявления экстремизма и терроризма, а также снижать общий уровень террористической активности.

5. Осознание гражданами конституционно-правовых основ противодействия терроризму способствует формированию здорового понимания своего и иного конституционного статуса, а также пределов антитеррористической функции государства.

6. Видимые и скрытые закономерности юридической практики требуют учета при осуществлении правового и законодательного обеспечения антитеррористической функции государства.

Список литературы

1. **Тарасов А. М.** Функции эффективного государственного контроля за деятельностью органов исполнительной власти (правоохранительных органов) // Российский следователь. 2019. № 6. С. 69–73.
2. **Потапова Ю. А.** Молодежный экстремизм и его профилактика // Молодежь России как объект социализации и самореализации: Сб. материалов Всероссийского круглого стола. СПб.: Петрополис, 2018. С. 169–173.
3. **Матвиенко Е. А.** Теория прав человека в современном культурно-историческом контексте: тенденции и ограничения // Философия права. 2017. № 3 (82). С. 112–117.
4. **Юрицин А. Е.** Вопросы защиты и ограничения прав человека в международном праве и законодательстве Российской Федерации // Международные стандарты прав человека: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2015. С. 112–117.
5. **Юрковский А. В., Кузьмин И. А.** Конституционно-правовая охрана как неотъемлемый элемент конституционализма // Сравнительная политика. 2019. Т. 10, № 1. С. 23–41.

6. **Егоров А. В.** Юридическая практика и наука сравнительного правоведения // Наука, образование – производству, экономике: Материалы XX Регион. науч.-практ. конф. Витебск, 2015. С. 239–240.
7. **Егоров А. В.** Соотношение нравственности и права: осмысление классических подходов и поиски новых решений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 4 (20). С. 130–135.
8. **Исаев И. А.** Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 8. С. 20–33.
9. **Киричек Е. В.** Национальная безопасность, национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации в контексте обеспечения прав человека // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2016. № 4 (10). С. 85–89.
10. **Номоконов В. А.** Антикриминальная политика: от либерализации к радикализации? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1 (15). С. 32–36.

References

1. **Tarasov A. M.** Functions of effective state control over the activities of Executive authorities (law enforcement agencies). *Russian investigator*, 2019, no. 6, p. 69–73. (in Russ.)
2. **Potapova Yu. A.** Youth extremism and its prevention. In: Youth of Russia as an object of socialization and self-realization. Collection of articles from the all-Russian round table. St. Petersburg, Petropolis, 2018, p. 169–173. (in Russ.)
3. **Matvienko E. A.** Theory of human rights in the modern cultural and historical context: trends and restriction. *Philosophy of law*, 2017, no. 3 (82), p. 112–117. (in Russ.)
4. **Yuritsin A. E.** Questions of protection and restriction of human rights in international law and legislation of the Russian Federation. In: International standards of human rights. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. Omsk, 2015, p. 112–117. (in Russ.)
5. **Yurkovsky A. V., Kuzmin I. A.** Constitutional and legal protection as an integral element of constitutionalism. *Comparative politics*, 2019, vol. 10, no. 1, p. 23–41. (in Russ.)
6. **Egorov A. V.** Legal practice and science of comparative law. In: Science & education to production & economy. Materials of the 20th regional scientific and practical conference. Vitebsk, 2015, p. 239–240. (in Russ.)
7. **Egorov A. V.** Correlation of morality and law: understanding the classical approaches and new solutions. *Bulletin of the University named after O. E. Kutafin*, 2016, no. 4 (20), p. 130–135. (in Russ.)
8. **Isaev I. A.** Basic norm (“tables of the revolutionary law”). *Bulletin of the University named after O. E. Kutafin*, 2018, no. 8, p. 20–33. (in Russ.)
9. **Kirichek E. V.** National security, national interests and strategic national priorities of the Russian Federation in the context of ensuring human rights. *Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice*, 2016, no. 4 (10), p. 85–89. (in Russ.)
10. **Nomokonov V. A.** Anti-Criminal policy: from liberalization to radicalization? *Bulletin of the Kazan law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia*, 2014, no. 1 (15), p. 32–36. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
11.02.2020*

Сведения об авторе / Information about the Author

Миц Денис Сергеевич, кандидат юридических наук, эксперт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) (Санкт-Петербург, Россия)

Denis S. Mits, PhD in Law, expert of the parliamentary Assembly of the collective security Treaty Organization (CSTO) (Saint Petersburg, Russian Federation)

a-83@bk.ru

ORCID 0000-0002-6238-8501

SPIN 7320-0867